

П. ЛОСЕВ

Право на молодость

К пятидесятилетнему юбилею артистки театра им. Волкова—М. Н. МАРИНОЙ

— Не в тот ты семафор пошел, артистка драмы Стрельская. Они, Платоша... Был бы ты машинистом и твоя жизнь шла бы, как линия спокойно!

Так говорит Мария Тарасовна — мать хирурга Кречета, одна из героинь замечательной пьесы «Платон Кречет», с огромным успехом идущей в театре им. Ф. Г. Волкова.

Роль матери ведет семидесятилетняя артистка Мария Николаевна Марина. Она играет незабываемо. Ни

одного фальшивого жеста, ни одной

искусственно произнесенной фразы. Глядя на ее игру, забываются все театральные условности. Кажется, что Мария Николаевна живет на сцене своей жизнью,

не той, которая выросла по воле писателя, а именно — своей, всамделишной жизнью.

Образ матери Кречета близок Марии Николаевне во всех отношениях: и потому, что старая артистка сама по душевному складу искренний, отзывчивый человек, и потому, что она родилась и выросла в семье рабочего.

Отец Мариной даже и не мечтал видеть свою дочь актрисой. Узнав, что у дочери есть желание пойти на сцену, он твердо сказал:

— Не будет этого. Надо хлеб трудом зарабатывать, а не кривлянием.

Но Мария Николаевна, вопреки воле отца, так же, как и Платон Кречет, — «не в тот семафор пошел». Она стала артисткой.

Произошло это потому, что в доме, где жила семья Мариной, ютились артисты балета Стуколкин и его жена. Марина сказала мое-

М. Н. МАРИНА.

Фото И. Тимошкина

му отцу: «Ну, хочешь не хочешь, а твоя дочь будет на сцене. Сегодня она уже появлялась перед публикой. Это — предзнаменование» — А было мне тогда 10 лет.

Когда же Мария Николаевна исполнилась шестнадцать лет, она, обладавшая хорошим голосом, стала

выступать в водевилях, ставившихся в петербургском летнем театре.

К этому ее принуждала страшная нужда, царившая в доме. Отец умер.

Старший брат поступил работать на завод. Приносил оттуда гропши.

Молодая, неопытная артистка тоже зарабатывала немного. Вся семья

жила впроголодь. Нередко бывали

дни, когда «водевильная певица»

Марина съедала за день только пе-

большой кусок хлеба с маслом. Го-

рячее считалось за счастье.

Семнадцать лет Мария Николаевна

отправилась с труппой в провинцию. Она драла на сезон в захолустье и грязный городишко Вытегру. Глупыш в нем была, как в лесу. Даже днем по главным улицам

бегали волки. А ночью нельзя было

на улицу показываться.

Труппа выступала в местном ку-

печеском клубе. Постоянными зрителями и «ценителями искусства»

были заядлые городские пьяницы и картежники — прогоревшие мелкие

дворяне и купцы во главе с забул-

дыгой, сыном городского головы.

После одного из спектаклей, встретив молодую артистку у клубного буфета, сын головы потребовал, чтобы она его поцеловала. при всех. Он схватил ее за руки и, вытащив на средину комнаты, пьяно кричал:

— Целуй! Требую.

Пьяные собутыльники дружно жали. А девушка вначале растерявшись, пришла в себя и оглушиительно ударила пьяного «сынка» по лицу.

Это был вызывающий случай. На другой день, узнав о «бестехии своего отпрыска», голова потребовал высылки артистки из города.

Семь лет ездила Марина по уездным и губернским городам России, придавленной кровавым салогом Александра третьего. Играла Мария Николаевна и с знаменитым Варламовым и с Комиссаржевской. Была во Владивостоке, в Китае.

— И всюду ко мне, как и ко всем молодым артисткам, приставали богачи с назойливыми ухаживаниями, — говорит она.

А когда «ухаживателям» давали отпор, они приходили к антрепренеру с требованием: «Надо убрать. Нам таких строптивых не надо».

— Тяжелая была жизнь, страшная!

Каждый новый театральный сезон начинался с молебнов. На них приглашались все меценаты («покровители искусств»), которые здесь же и

выбирали себе будущих содержанок. ступает Мария Николаевна перед со- Чтобы избежать постыдной роли ветским зрителем («лучшим зрителям содержанки, Мария Николаевна от- в мире», как говорит она). Молодо- казалась от своей молодости. Она и ярко прошли эти годы. Они загла- перешла на роли старух. Это было верное средство избавиться от «ухаживаний». Меценатам не интересно было брать на содержание актрис, игравших старух.

Так парская Россия с ее дикими нравами отняла у нее право на моло- дость. И поэтому Мариной не хотелось жить, не хотелось влачить жалкое гнетущее существование.

— Я все чаще и чаще задумы- валась о смерти, — говорит Мария Николаевна. — Не было никакого смысла жить...

Но молодость не ушла безвозвратно. Она вернулась. Она пришла к Марии Николаевне вместе с Октябрь- рем.

После революции Мария Николаевна вместе с группой артистов Малого и Художественного Московских театров поехала на фронты, выступая там перед бойцами. Сцены устраивались прямо на лугу. Спектакли смотрели тысячи. Принимали актеров горячо и восторженно.

Затем Мария Николаевна приехала в Ярославль. Это было после белогвардейского мятежа. Город только-только начал оправляться от жестоких раз, нанесенных ему контрреволюцией.

Приезжавшие в Ярославль артисты беспокоились:

— А будет ли его ходить в те- атре?

Но беспокойства оказались напра- сными. Холодный театр всегда был

битком набит. Зрители сидели в шубах и шинелях, но это не мешало им горячо аплодировать и с востор- гом летей восхищаться игрой.

И вот уже восемнадцать лет вы-

ступает Мария Николаевна перед со- чтобы избежать постыдной роли ветским зрителем («лучшим зрителям содержанки, Мария Николаевна от- в мире», как говорит она). Молодо- казалась от своей молодости. Она и ярко прошли эти годы. Они загла- перешла на роли старух. Это было верное средство избавиться от «ухаживаний». Меценатам не интересно было брать на содержание актрис, игравших старух.

Половек прошло, на сцене у Ма- рии Николаевны. Но только послед- ние восемнадцать лет дороги ей. Они дали ей право на молодость, на счастливую жизнь.

А молодости и радостного задора в ней чистого. Она не отстает от моло- дежи. Свои роли она заучивает наизусть раньше всех. Занимаясь в кружке по истории партии, Мария Николаевна одна из немногих полу- чила отметку «отлично».

За свою жизнь много ролей игра- ла Мария Николаевна. Начиная с Чухи из «Петербургских трущоб», бабушки из Гончаровского «Обрыва» и кончая последними ролями Анфу- сы («Волки и овцы») и Мары Тарасовны («Платон Кречет») — она всегда поражала своим мастерством большого художника, умением перевоплотиться в исполняемый ею об- раз.

И за это мастерство, за прекрасную, незабываемую игру, волновав- шую не одну сотню сердец, общес- твенность Ярославля отмечает завтра пятидесятилетний юбилей напи- санной артистки — Марии Николаевны Мариной.

В этот день многие из зрителей — трудающихся города хотели бы горячо пожать ей руку и сказать:

— Нет, вы «в свой семафор по-шли», Мария Николаевна. Счастли- вая у вас дорога! Хорошая жизнь! Спасибо за вашу игру.

3 Северный рабочий